

И Инь подняла голову и первым делом увидела картину на тонком шелке: на ней была изображена прекрасная женщина, перебирающая струны цитры. Ее лицо, овеянное легкой печалью, было столь дивным, что невозможно было отвести взгляд.

Из-за мягких занавесей донесся тихий, нежный голос:

— Это ты, И Инь?

Су Му тихонько похлопала И Инь по плечу:

— Госпожа, хозяйка зовет тебя.

И Инь опомнилась, отозвалась и, отодвинув полог, вошла внутрь. Цзинь Уянь в длинном платье цвета озерной лазури сидела, прислонившись к оконной раме и глядя в сторону жемчужных занавесей.

— Однажды мне подарили кувшин вина, которое называется Мован.

И Инь удивилась:

— Мован?

Цзинь Уянь потянула ее за собой, усадила рядом и наполнила чашу, слегка улыбнувшись:

— Именно так. Попробуй.

И Инь осушила чашу:

— Сладкое и ароматное, отличное вино!

Цзинь Уянь снова наполнила ее чашу и тихо прошептала:

— Не говори, что пестрые цветы смущают взор, забудешь о первоначальной цели, безумствуя ради любви.

Сердце И Инь сжалось:

— Сестрица Цзинь, я не позволю ненависти ослепить себя и забыть, к чему стремилась изначально.

Цзинь Уянь налила вина и себе:

— У тебя добрая натура, я никогда не сомневалась в этом. Я лишь скорблю о самой себе.

И Инь замерла:

— Безумствуя ради любви? Сестрица Цзинь, почему ты любишь женщин и по ком ты так безумствуешь?

Цзинь Уянь печально улыбнулась:

— Не стоит об этом. Даже если я скажу, ты не поверишь.

И Инь коснулась спрятанного за пазухой мешочка, залпом выпила вино и набралась смелости:

— Расскажи мне, я хочу знать.

Цзинь Уянь слегка улыбнулась:

— Ты видела ту картину на шелке?

И Инь кивнула:

— Девушка на ней очень красива.

Цзинь Уянь спросила:

— А знаешь ли ты, какая фамилия была у моих предков?

И Инь покачала головой и в ответ спросила:

— Разве не Цзинь?

Цзинь Уянь ответила:

— Изначально моя фамилия была Цзычэ.

И Инь поразились:

— Цзычэ, одна из четырех великих семей?

Цзинь Уянь кивнула:

— Если посчитать, мы с тобой даже в некотором родстве.

И Инь глупо улыбнулась:

— Брат Чжан говорил, что мою наставницу звали Цзычэ Сюань, и после замужества она сменила фамилию на Чу. Не знаю, верно ли это.

Цзинь Уянь кивнула и снова наполнила чашу И Инь:

— Я называю ее бабушкой. Знаешь ли ты, почему им пришлось сменить имена и фамилии?

И Инь ответила:

— Легенды гласят, что после объединения шести царств императором Цинь начались сожжение книг и гонения на ученых, а также бесконечная охота на мастеров боевых искусств. Не в этом ли причина?

Цзинь Уянь кивнула и спросила:

— А знаешь ли ты, почему император Цинь преследовал их?

И Инь покачала головой:

— Просветите меня.

Цзинь Уянь продолжила:

— Цинь Шихуан смог объединить шесть царств лишь благодаря одной женщине. Она была прекрасна, многие мастера боевых искусств восхищались ею и добровольно подчинялись ее воле, но... когда заяц пойман, гончую съедают, когда лук больше не нужен, его убирают в чехол.

И Инь невольно спросила:

— Та, что на картине, и есть она?

Цзинь Уянь покачала головой:

— Нет, на картине — возлюбленная моего деда.

И Инь снова спросила:

— Полагаю, господину Цзиню так и не удалось быть с ней вместе?

Цзинь Уянь выпила вина:

— Женщину на картине звали Шичжи, а того, кого она любила, — Хоу Ючжигэн.

И Инь в изумлении вскочила со стула:

— Значит, та легенда правдива? В этом мире и впрямь существует Скала Бессмертных Рыцарей?

Цзинь Уянь ответила:

— Более того, твой предок-наставник тоже там бывал.

И Инь не могла в это поверить:

— Значит, если найти наставника, можно отыскать и Скалу Бессмертных Рыцарей?

Цзинь Уянь покачала головой:

— Нет. Бабушка была там лишь однажды, и привела ее туда та самая женщина по имени Чжигэн. С тех пор как она вернулась, найти это место стало невозможно. Она искала его всю жизнь, как и старик Чжан.

И Инь разочарованно опустила на стул:

— Су Му говорила, что в этом мире есть лишь один человек, способный исцелить твой недуг. Я полагаю, этот человек живет на Скале Бессмертных Рыцарей.

Струны души Цзинь Уянь дрогнули, и она снова прошептала:

— Не говори, что пестрые цветы смущают взор, забудешь о первоначальной цели, безумствуя ради любви.

Глаза И Инь внезапно блеснули:

— Сестрица Цзинь, ты обладаешь несравненным талантом и глубокими познаниями в медицине, неужели ты и впрямь бессильна?

Цзинь Уянь вздохнула:

— Масло в лампе на исходе, разве может она гореть долго?

И Инь встревожилась:

— Что ты имеешь в виду?

Цзинь Уянь спокойно улыбнулась:

— В день, когда я очнулась, я сама себе гадала. Похоже, времени осталось немного.

И Инь содрогнулась:

— Немного — это сколько?

Цзинь Уянь ответила:

— Не больше трех месяцев.

И Инь замерла, о чем-то вспомнив, и горько усмехнулась. Она осушила чашу и проговорила:

— Хорошо сказано: не говори, что пестрые цветы смущают взор, забудешь о первоначальной цели, безумствуя ради любви. Сестрица Цзинь, ответь мне, почему ты любишь женщин?

Возможно, из-за волнения Цзинь Уянь тихонько кашлянула:

— Все из-за моего деда. Ты, наверное, уже догадалась: Шичжи любила женщин, бабушка тоже любила женщин. Две самые любимые женщины в жизни деда любили женщин, как он мог с этим смириться...

И Инь слушала, охваченная страхом, и дрожащим голосом спросила:

— Так он заставлял тебя любить женщин? Он хотел доказать, что и Шичжи, и его сестра были принуждены к этому, верно?

Цзинь Уянь кивнула:

— Ради продолжения рода дед женился на женщине по фамилии Лай, но всю жизнь мечтал вновь увидеть Шичжи. Он искал ее семьдесят лет, но так и не получил вестей.

И Инь вдруг показалось, что жизнь Цзинь Уянь полна трагизма. Она взглянула на цитру рядом:

— Сестрица Бай говорила, что эта цитра — воплощение Кровавого Жуи, вещь со Скалы Бессмертных Рыцарей. Значит, ты приблизилась ко мне, чтобы найти Скалу?

Цзинь Уянь кивнула, но тут же покачала головой:

— Ты открывала тот мешочек?

И Инь насмешливо произнесла:

— Цзинь Пань Лю Гуй?

Цзинь Уянь медленно поднялась, ее глаза покраснели:

— Хотя я не по своей воле полюбила женщину, но с тех пор, как встретила тебя, мое сердце принадлежит тебе.

И Инь испугалась собственной реакции и подумала: Что со мной? Неужели... Ох, разве я не такая же, как она?

В этот миг И Инь почувствовала тепло на своих губах, в голове загудело — Цзинь Уянь поцеловала ее.

На бледном лице Цзинь Уянь разлился румянец. Она медленно отстранилась и тихо вздохнула:

— На самом деле, жизнь и смерть уже давно не тревожат мое сердце, не говоря уж о делах сердечных. Но воля Небес играет нами: именно сейчас, в глубине души, у меня появилась новая привязанность.

И Инь остолбенела, глядя на нее. Цзинь Уянь сменила тон:

— Почему ты не со своим братом Чжан Сюнем, а пришла сюда?

И Инь растерялась:

— Я пришла, чтобы выполнить твое приглашение.

Цзинь Уянь рассмеялась:

— Хм? Почему же ты пришла так быстро?

И Инь не нашла, что ответить и молча опустила глаза.

Цзинь Уянь поправила растрепанные волосы:

— У меня те же сомнения, что и у тебя. Я ломала голову, но так и не смогла понять.

И Инь тяжело вздохнула и достала из-за пазухи мешочек:

— Возможно, из-за этого. А может, из-за того, что у меня в сердце много вопросов.

Цзинь Уянь взяла мешочек, медленно открыла его, достала платок и прошептала:

— Цзинь Пань Лю Гуй... Знаешь, когда я писала это стихотворение, я надеялась, что ты не поймешь, но в то же время боялась, что ты не поймешь... Ох, как же я противоречива.

Она вернула мешочек И Инь:

— Твои вопросы касаются Крепости У?

И Инь приняла мешочек:

— Я поняла, что за Крепостью У стоит покровитель, но не знаю кто, и насколько он силен.

Цзинь Уянь снова наполнила чашу:

— Знаешь ли ты, из какой воды сделано это вино Мован?

И Инь ответила:

— В книгах описаны шесть способов виноделия, и главный из них — вода должна быть ароматной. В наших землях полно хорошей воды, не говоря уже о воде из озера Поянху, она вполне годится для вина.

Цзинь Уянь возразила:

— Да, хорошей воды много, но Мован особенное.

— В чем же разница?

— Это вино создала сестрица Бай, а воду она взяла с гор Тяньшань.

И Инь удивилась:

— Сестрица Бай?

Цзинь Уянь кивнула:

— Мы с сестрицей Бай с детства вместе изучали боевые искусства и читали книги. Она всегда была молчаливой и держала всех на расстоянии... — Она словно погрузилась в воспоминания, помолчала и продолжила: — Когда мне было семь лет, дед увез меня из уезда Шоу. Уходя, она сама подарила мне этот кувшин вина, сказала лишь два слова: «Не забывай», — и ушла, не оглянувшись.

Она невольно усмехнулась:

— Ты не видела ее лица, она пришла не провожать, это больше походило на проводы в последний путь.

И Инь тихо сказала:

— Значит, создатель этого вина — сестрица Бай, неудивительно, что оно такое мягкое на вкус, но оставляет холод в душе.

И Инь вздрогнула:

— Неужели покровитель Крепости У — Павильон Бо?

Цзинь Уянь ответила:

— Я знаю лишь, что Крепость У всегда была в хороших отношениях с Павильоном Бо, и к тому же...

— Что к тому же?

— Ты, наверное, не знаешь, кто отец Бай Ифэна?

И Инь предположила:

— Если я не ошибаюсь, это господин Чжунли?

Цзинь Уянь кивнула:

— Верно. Дядюшка Чжунли, как и мой дед, ради продолжения рода женился на тетке У Мэнбая, поэтому сестрицу Бай и У Мэнбая сговорили еще до рождения.

И Инь не сдержала смешка:

— Неудивительно, что у У Мэнбая такое забавное имя.

Она вдруг вспомнила про Призрачное поместье Бэймин:

— Призрачное поместье Бэймин творит столько зла, почему господин Чжунли запрещает потомкам бороться с ним?

Цзинь Уянь ответила:

— Истоки Призрачного поместья в нынешнем мире боевых искусств, пожалуй, известны лишь семье Бай...

По лицу Цзинь Уянь градом покатился пот, болезнь обострилась. И Инь поспешно обняла ее, чувствуя, что тело той стало ледяным, и закричала:

— Су Му, скорее сюда!

Не успела она договорить, как вбежала Су Му.

Су Му словно предвидела это: в руке у нее была пилюля. Она осторожно разжала челюсти

Цзинь Уянь и вложила лекарство:

— Госпожа, не бойтесь. Хозяйка в последнее время часто болеет, поспит немного — и пройдет.

И Инь спросила:

— Почему она так часто болеет?

Су Му ответила:

— Тело хозяйки изначально было слабым, а в последнее время она себя совсем не бережет, часто перенапрягает ум и тело, истощая жизненные силы.

И Инь уложила Цзинь Уянь в постель, укрыла одеялом и с виной в голосе сказала:

— Это я ее довела.

Су Му возразила:

— Умные и проницательные люди всегда склонны слишком много думать, пока не докопаются до самой сути. Такова натура хозяйки, вашей вины здесь нет.

И Инь прошептала:

— Это называется «горе от ума». На мой взгляд, это глупость несусветная.

Су Му слегка улыбнулась:

— А если бы это была ты? Целыми днями бездельничать, есть и спать... Даже если проживешь сто лет, какая в этом радость?

И Инь рассмеялась:

— Тоже верно, но... — Ее лицо помрачнело. — Если она уйдет, что будет с остальными? Ведь тоска — это болезнь, которую не лечит ни одно лекарство в мире.

Су Му спросила:

— Неужели госпожа сама подхватила этот недуг?

И Инь покраснела, а Су Му перестала улыбаться:

— Если госпожа хочет спасти хозяйку, нужно найти Хоу Ючжигэн.

И Инь кивнула:

— Сейчас в мире боевых искусств назревает буря, и жизнь сестрицы Цзинь связана с судьбами всех мастеров...

Су Му прервала ее:

— Эта ноша слишком тяжела, хозяйка ее не вынесет.

И Инь замерла. Су Му тяжело вздохнула:

— Если бы не вы, госпожа, хозяйка ни за что не вмешалась бы в дела мира боевых искусств. Если вы действительно хотите ее спасти, почему бы не изучить Кровавый Жуи? Возможно, он даст нам подсказку, где искать Скалу Бессмертных Рыцарей.

Су Му была умна, и в ее словах крылся глубокий смысл: во-первых, если И Инь не будет с Цзинь Уянь, та не станет вмешиваться в дела мира; во-вторых, если И Инь не найдет способ вылечить Цзинь Уянь, все остальное бесполезно.

И Инь поняла намек и погрузилась в молчание. Су Му, видя ее решимость, успокоилась:

— Госпожа, побудьте здесь с хозяйкой, а я пойду.

В тихой опочивальне остались только И Инь и Цзинь Уянь.

Цзинь Уянь спала крепким сном. И Инь поправила прядь волос у нее на лбу и подумала: Не знаю, прибыли ли уже брат Чжан и остальные, пойду проверю, чтобы не мешать ей отдыхать.

В этот момент в животе у И Инь заурчало. Она погладила живот: полдня в пути, а она еще ничего не ела. Оглянувшись на накрытый стол, она подумала, что негоже добру пропадать.

И Инь налила себе вина и подумала: Где сейчас сестрица Бай? Она и У Мэнбай... если подумать, У Мэнбай — достойный человек, они бы подошли друг другу. Она сделала большой глоток, и на душе стало тоскливо.

И Инь горько усмехнулась: Мован, Мован... это вино такое холодное, от него леденеет сердце, как же его забыть! Эх... по сравнению со сладостью, боль всегда запоминается ярче. Боюсь, вкус этого вина я не забуду до конца своих дней.

Она наполнила чашу снова и провела пальцами по губам. Оказывается, каков на вкус поцелуй... мягкий, теплый... В сердце внезапно вспыхнуло желание попробовать еще раз.

Поддавшись этому порыву, она выпила еще три чаши и, разгоряченная вином, подошла к кровати. Одеяло сползло, и белая шелковая ночная рубашка Цзинь Уянь приоткрылась, обнажая белые, как нефрит, ноги и хрупкие плечи.

Дыхание И Инь участилось, она медленно склонилась, но вдруг лодка качнулась, и И Инь тяжело упала на пол.

Цзинь Уянь пришла в себя и хотела повернуться, но Цзинь Уянь схватила ее за руку:

— Су Му! Скорее сюда, у меня все тело чешется до смерти!

И Инь испугалась:

— Сестрица Цзинь, что с тобой?

Цзинь Уянь ответила:

— Все тело чешется, я умираю, почеши меня!

Она схватила руку И Инь и притянула к своему плечу. И Инь застыла, ее щеки вспыхнули, она позволила гладкому телу Цзинь Уянь извиваться в своих объятиях.

Цзинь Уянь, почти обнаженная, бредила:

— Су Му, отнеси меня в ванную.

И Инь, вспомнив о стыде, который испытает при купании, заколебалась.

Цзинь Уянь обвила руками ее шею:

— Скорее, я сейчас умру от зуда!

Услышав крики, вбежала Су Му. И Инь спросила:

— Тело сестрицы Цзинь постоянно горит, и она вся чешется, что это может быть?

Су Му увидела правую руку Цзинь Уянь, обвитую вокруг шеи И Инь, и заметила красные пятна:

— Похоже на ветрянку. Я пойду за лекарством, присмотрите за хозяйкой, не давайте ей чесаться.

И Инь кивнула:

— Скорее возвращайся!

Она перехватила руки Цзинь Уянь:

— Сестрица Цзинь, потерпи, не чешись, иначе станешь уродкой!

Услышав слово «уродка», Цзинь Уянь с притворным гневом прошептала:

— И Инь, ты делаешь мне больно.

И Инь разжала руки, но Цзинь Уянь тут же села, обхватила шею И Инь и без предупреждения поцеловала ее в губы.

И Инь вздрогнула и сидела, не зная, что делать.

Небывалое наслаждение захлестнуло Цзинь Уянь, словно крошечный червячок зашевелился в сердце, вызывая сладкую, нестерпимую дрожь. Ее руки невольно задвигались, она хотела оттолкнуть И Инь, но на самом деле прижималась еще крепче.

Ее язык скользнул в рот И Инь, тело обвилося вокруг нее, как лиана. И Инь не удержалась и обняла ее крепче, но тут Цзинь Уянь вдруг оттолкнула ее, соскользнула вниз, ойкнула и, натянув одеяло, спрятала голову.

И Инь покраснела до корней волос, с нее градом лил пот, она боялась даже вздохнуть. В комнате воцарилась тишина, в которой слышалось биение их сердец.

И Инь сидела неподвижно, коря себя за опрометчивость и вспоминая недавний вкус.

Раздался голос Цзинь Уянь:

— Раньше... я ведь тебя напугала?

И Инь ответила:

— Я... ох! Я не знаю...

Цзинь Уянь откинула одеяло, посмотрела на нее прекрасными глазами и с упреком сказала:

— Эх... ну и дурочка же ты.

И Инь посмотрела на нее и вдруг спросила:

— Тело все еще чешется?

Стоило ей это сказать, как Цзинь Уянь снова заерзала:

— Так невыносимо, так невыносимо...

И Инь в панике обливалась потом: почему Су Му до сих пор не вернулась?

Цзинь Уянь сбросила одеяло и начала себя расчесывать. И Инь поспешно прижала ее:

— Сестрица Цзинь, нельзя!

Цзинь Уянь не слушала, она потянула ее на кровать и повторяла:

— И Инь, помоги мне, помоги мне...

И Инь вспомнила, что поглаживания и растирания могут облегчить зуд, и начала массировать тело Цзинь Уянь. Сладкая, нестерпимая дрожь снова охватила ее. Она хотела оттолкнуться, но не смогла, и про себя вздохнула: «Мудрец тысячу раз обдумает, а в одном ошибется!»

Видя, что Цзинь Уянь стало легче, она мягко спросила:

— Сестрица Цзинь, полегчало?

Цзинь Уянь посмотрела на нее затуманенным взглядом:

— Ты вся в поту, тебе так жарко?

И Инь выпалила:

— Твое тело слишком горячее... — Сказав это, она поняла, что сболтнула лишнее, и исправилась: — Работа слишком утомительная...

Лицо Цзинь Уянь мгновенно вспыхнуло:

— Замолчи, чем больше говоришь, тем больше ошибаешься.

В этот момент Су Му с лекарством толкнула дверь.

Цзинь Уянь скомандовала:

— Скорее опусти полог!

И Инь удивилась:

— Зачем? — И тут же замерла, осознав, что сидит на коленях у Цзинь Уянь, чья одежда была распахнута, а лицо горело румянцем. Она поспешно опустила полог.

Как только она закончила, Су Му подошла к кровати:

— Госпожа, лекарство готово.

И Инь от стыда не могла вымолвить ни слова. Цзинь Уянь спросила:

— Ты смешала гальмей, мяту и морскую соль с чистой водой?

Су Му пыталась заглянуть за полог и на мгновение забыла ответить. Цзинь Уянь повторила вопрос, и Су Му отвела взгляд:

— Именно так.

— Оставь лекарство и уходи.

Как только Су Му вышла, И Инь спрыгнула с кровати:

— Сестрица Цзинь, прости, прости!

Цзинь Уянь многозначительно посмотрела на нее:

— За что ты просишь прощения? — При этом одежда на ней все еще была распахнута.

И Инь опустила голову:

— Я... я виновата. — И, развернувшись, собралась уйти.

Цзинь Уянь окликнула ее:

— Совершила ошибку и хочешь сбежать? Почему бы не подумать, как искупить вину?

И Инь обернулась:

— Как же ее искупить?

Цзинь Уянь скривила губы и с раздражением произнесла:

— Разве ты не намажешь меня лекарством? Не боишься, что я снова начну чесаться?

И Инь внезапно все поняла, поспешно взяла лекарство со стола и подошла к ней.

<http://bllate.org/book/21765/2250813>